

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

В. Г. СМОЛИЦКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

(Историческая основа былины о Василии Казимировиче)

При изучении истории фольклора перед нами встает ряд трудностей, которые на первый взгляд могут показаться непреодолимыми. Главная из них — то, что о фольклоре прошлых эпох мы должны судить по поздним записям. Мы не имеем права не учитывать того, что века бытования могли изменить интересующее нас произведение, и поэтому, желая воссоздать хоть частично картину далекого прошлого, не сможем обойтись без гипотез и реконструкций.

Мы считаем, что наряду с трудами по истории фольклора обобщающего характера нужны и работы, посвященные какому-нибудь одному произведению как отдельному моменту общего исторического процесса. Наша работа представляет попытку анализа былины о Василии Казимировиче.

Различные варианты этой былины объединены общностью сюжета: Владимир должен платить дань иноземному (чаще всего татарскому) царю. Герои былины едут к этому царю и заставляют его отказаться от своих прав на дань, а иногда даже самого стать данником.

В первой публикации былина называлась «Песня про Ваську Казимировича»¹, но во вступительной статье к ней А. С. Хомяков уже писал, что «действительным» героем этой «сказки» является Добрыня².

¹ «Московский сборник», т. I, М., 1852, стр. 335—341. Впоследствии этот текст был вторично опубликован у Киреевского. В дальнейшем ссылки на сборники былины даются сокращенно по первым буквам фамилии собирателя; римские цифры обозначают номер тома, арабские — страницу, цифра под № — номер текста: Г — «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», изд. 4, М.—Л., тт. 1—3, 1949—1951; Гр — «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», т. III, СПб., 1910; Гул — «Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева», Новосибирск, 1952; Кир — «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. II, М., 1875; Л — Н. П. Леонтьев, Печорский фольклор, Архангельск, 1939 (в этом тексте герой ошибочно назван не Василием, а Дунаем); М—Б — «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым, Б. А. Богословским», Труды музыкально-этнографической комиссии, т. I, М., 1906 (в этом тексте герой ошибочно назван не Василием, а Дунаем); Р — «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», тт. 1—3, М., 1909—1910; О — «Печорские былины. Записал Н. Ончуков», СПб., 1904; С—Ч — [Ю. М. Соколов — В. И. Чичеров], «Онежские былины», «Летописи», Государственный Литературный музей, т. 13, М., 1948.

² «Московский сборник», т. I, стр. 317—331.

Эта точка зрения впоследствии утвердилась и нашла отражение даже в заглавии былины, которую теперь принято называть «Добрыня и Василий Казимирович».

Действительно, Владимир перестает быть данником татарского царя в результате состязаний, победа в которых одержана Добрыней. Но сами герои былины видят «главного» в Василии Казимировиче, а Добрыня Никитич всегда выступает в роли его помощника.

В текстах сборников Киреевского и Рыбникова роль Добрыни несколько значительнее, чем в других. Может быть, этим и объясняется традиция считать Добрыню главным героем, которая повелась от первых заметок о былине, когда были известны только эти тексты. Но и в других записях былины (а все они сделаны в XIX и XX вв.) образ Добрыни как-то определеннее и четче, яснее, чем образ Василия Казимировича.

Добрыня в состязаниях отстаивает честь родины и своими личными трудами и подвигами добывается ее освобождения от дани. А что делает Василий Казимирович, какова его роль, в чем его заслуги, сделавшие его героем былины? В чем идейный смысл этого образа? Надо полагать, что бледность образа Василия — результат действия времени, стершего первоначальный замысел, и поэтому ответить на поставленные вопросы мы, наверное, сумеем, лишь учитывая изменения в былине, которые должны были произойти в течение нескольких веков ее жизни. Некоторую услугу нам может оказать история, в частности летописи. А. В. Марков и В. Ф. Миллер первыми связали имя былинного богатыря с именем новгородского посадника Василия Казимира. Но верная посылка привела их к ошибочным выводам. Марков усмотрел в былинном царе Батые русского великого князя Ивана III, которому этот новгородский посадник действительно подносил дары³. В. Ф. Миллер, отвергнув связь между былинным царем и великим московским князем, считал главным героем былины Добрыню, отказываясь «уяснить себе мотивы, вызвавшие внесение имени Василия Казимира в былинную так называемого киевского цикла»⁴.

С Василием Казимиром (или Казимером) на страницах русских летописей мы встречаемся неоднократно. Это видный политический и военный деятель 70-х годов XV в., т. е. эпохи утраты Новгородом политической самостоятельности.

В 1471 г. на р. Шелони произошла битва между новгородцами и войском Ивана III. В этой битве новгородцы потерпели поражение, после которого они так и не сумели оправиться, и уже не могли оказать Ивану III серьезного военного сопротивления. Во главе новгородского войска Псковские летописи называют Василия Казимира и Дмитрия Борецкого. После поражения оба воеводы попали в плен, но судьба их была различна: Дмитрий Борецкий как глава «литовской» партии был казнен, а Василия Казимира вместе с пятьюдесятью боярами Иван III повелел отправить в Коломну в тюрьму, но вскоре выпустил на свободу.

В 1476 г. во время поездки Ивана III в Новгород Василий Казимир — активный участник встречи и приема великого князя. К нему первому, после наместника и владыки, отправляется московский князь на пир, он присутствует на суде, учиненном Иваном III над опальными боярами, просит за «винных». В 1478 г. Василий Казимир и другие

³ А. В. Марков, Бытовые черты русских былин, «Этнографическое обозрение», 1903, № 3, стр. 46.

⁴ В. Ф. Миллер, Очерки русской народной словесности, т. II, М., 1910, стр. 203.

новгородские бояре «били челом великому князю в службу»⁵. По рассказу Симеоновской летописи, в 1481 г. Василий Казимир — «новгородских бояр воевода»⁶ в победоносном походе русских против Ливонского ордена. Тогда же Казимир подвергся новым гонениям. «Того же лета, — сообщает Никоновская летопись также под 1481 г., — поймал князь великий новгородских бояр Василия Казимира, да брата его Якова Короба...»⁷. На этом известия о Василии Казимире прекращаются. Надо предполагать, он был выслан из новгородской земли, весьма возможно, — в Суздаль: начиная с XVII в. в различных документах упоминаются суздальские дворяне Казимировы. Не являются ли они потомками новгородского посадника?

Анализируя летописные записи, мы видим, что почти всюду, где встречается имя Василия Казимира, он стоит в перечне на первом месте, если летописец не ограничивается упоминанием только одного его имени (например: «и потом князь великий пожаловал испустил из заточения плененных новгородцев Казимира и с ним 30 мужь»⁸), а более поздний летописец, рассказывая под 1484 г. о событиях 1481 г., помнит единственно имя Казимира среди воевод в походе против Ливонского ордена и среди пленников Ивана III⁹. Все это говорит о том, что Василий Казимир был лицом значительным, широко известным и в какой-то определенной среде популярным. Псковская летопись ошибочно упоминает Василия Казимира среди бояр, «пойманных» великим князем в 1476 г.¹⁰ Архангелогородский летописец, тоже ошибочно, сообщает, что в 1484 г. великий князь «поймал Казимира». В этом году Иван III действительно подверг гонениям большую группу новгородских бояр, но в известиях об этом событии нигде не упоминается имя Василия Казимира. Вот что рассказывает Типографская летопись: «Тое же зимы прииде обговор от самих же Новгородцев, яко посылалися братия их Новгородци в Литву к королю. Князь же великий послал и пойма их всех человек больших с трицать житейх, да их дома пограбити велел и повеле их мучити...»¹¹ Ошибки Псковской летописи и Архангелогородского летописца показывают, что на протяжении нескольких десятилетий после смерти Василия Казимира, когда были забыты некоторые даты и детали той бурной эпохи, еще долго помнили этого новгородского посадника, который представляется потомкам, с одной стороны, воеводой и победителем иноземных врагов, с другой — жертвой гонений Ивана III.

Тексты былины о Василии Казимировиче, дошедшие до нас, не знают конфликта между героем и князем, они знают лишь конфликт между русскими богатырями и татарским царем. Но почти в каждой известной нам записи мы встречаем намек на какие-то противоречия между князем и Василием Казимировичем.

В архангельской былине на призыв князя Владимира отвезти в Литву к Батею Батеевичу дань безымянный молодец говорит о Василии Казимировиче как о единственном человеке, способном выполнить это поручение, но в настоящее время заключенном в «глубокий по-

⁵ Полное собрание русских летописей (в дальнейшем ПСРЛ), т. VI, стр. 219.

⁶ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 269.

⁷ ПСРЛ, т. XII, стр. 213.

⁸ ПСРЛ, т. VI, стр. 15.

⁹ «Летописец, содержащий в себе Российскую историю от $\frac{6360}{852}$ до $\frac{7106}{1598}$ года», М., 1781, стр. 161 (известен в литературе под названием «Архангелогородский летописец»).

¹⁰ Псковские летописи, т. II, М., 1955, стр. 200.

¹¹ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 203.

греб». Владимир посылает за ним, но в первый раз Василий отказывается идти к Владимиру на пир и идет туда после вторичного приглашения (Гр, III, № 48). Мотив заточения Василия в погреб А. М. Астахова объясняет проникновением в былинную историю некоторых деталей былины о Дунае¹². Ее точка зрения вполне обоснована и справедлива, но то обстоятельство, что именно этот эпизод из былины о Дунае попал в былинную историю Василия Казимировича, указывает на определенную тенденцию, которая прослеживается при сравнении всех известных текстов.

В другой архангельской былине (Гр, III, № 54) мы встречаемся уже с двумя молодцами. Почему они не пьют, не кушают, остается неизвестным. Молодцы по традиции ничем не хвастают. Одного из них, Василия Казимировича, Владимир просит отвезти дань Батею Батевичу «во Большу де орду». Услышав это, Василий призадумался: «А у нас много где ездило во Большу ёрду...; а назать тут они не приежживали». В дальнейшем его соратник и крестный брат Добрыня Никитич перед самым отъездом падает в ноги Василию: «А не бросай ты меня да среди поля. А не застафь ты меня ходить бродягою» (Гр, III, № 54). Однако ни Василия, ни Добрыню нельзя назвать трусами или малодушными. Ведь, сказав о трудности поручения, Василий его тут же усложняет: он едет к царю без подарков, а Добрыня является, как всегда, основным героем состязаний. В алтайской былине (Гул, № 10) Василий сам вызывается отвезти дани-пошлины, но тут же становится «кручиноват», взяв на себя такую службу, и уходит с пира. Это недовольство героя делом, которое он должен выполнить, явилось, наверное, одной из точек соприкосновения разбираемого нами произведения с былинной историей Добрыни и Алеше. Поэтому при соединении этих двух сюжетов у Рябинина (Р, I, № 8; Г, II, № 80) и его преемников обязательно сохраняется мотив жалоб Добрыни своей матери на свою несчастную судьбу. В печорской былине, записанной Ончуковым (О, № 65), мы опять находим мотив недовольства поручением; только здесь это недовольство выражено осуждением тех, кто «подговаривает» Владимира послать Василия с данью: «воры-ти бояра подмолвщики, они злы-ле толстобрюхи подговорщики». Владимир принимает их совет, а Василий «рад службы служить». Намечавшийся конфликт таким образом не развился, несмотря на то, что характеристика бояр требует конфликта — иначе она становится совершенно непонятной и лишней в композиции данного текста.

В печорской былине, записанной уже недавно (Л, № 8), мы снова встречаемся с непонятным сюжетным ходом, который не имеет никаких композиционных последствий и опять обнаруживает в Василии (названном здесь Дунаем) какой-то дух противоречия, совершенно ничем не объяснимый. Перед отправкой герой отказывается Илье Муромцу, который просит, чтобы его взяли с собой. Здесь крайне необычен отказ Илье Муромцу, всеми уважаемому.

Общими чертами всех приведенных выше эпизодов является, во-первых, дух недовольства или желания противоречить и, во-вторых, их композиционная оторванность и необоснованность дальнейшим развитием сюжета.

В каждом отдельном случае такой эпизод может быть объяснен влиянием другой былины (см. Гр, III, № 48), произволом певца, его ошибкой, использованием общих мест и т. д. Но все вместе эти эпизоды выражают одну тенденцию, которую можно объяснить лишь тем,

¹² А. М. Астахова, Былины Севера, т. II, М.—Л., 1951, стр. 728—729.

что здесь перед нами отголосок какого-то спора между героями, не известный нам конфликт Василия с Владимиром, недовольство их друг другом, причем певцы известных нам текстов уже не знают этого конфликта.

Мы не встречаем в былинах активного спора двух сторон: Василия Казимировича и Владимира, лишь Василий возражает князю и притом нередко в очень непочтительном тоне. Владимир предлагает Василию большое войско: «А бери от меня да силы-армии» (Гр, III, № 54), Василий отказывается, он соглашается взять с собой только одного-двух товарищей.

Главное же, во многих былинах герой противопоставляет княжеской точке зрения на дань свою. Князь посылает Василия выплатить дань — герой хочет или освободить Русь от дани или получить дань с иноземного властителя. На приказ самодержавного государя герой отвечает с категоричностью, удивительной в устах слуги:

Я нейду ко Батыю царю,
Не веду-тко я триста удалых молодцев,
Да не дам-то я петьсот красных девушек
На поруганье их красы девичьей,
Да не буду ему платить дани-пошлины,
Да как могу ему сечь буйну голову.

(М — Б, № 16)

Отказ Василия Казимировича везти Батыю дань мы встречаем не во всех былинах, а только в тех, которые записаны в Архангельской губернии и на Алтае; поэтому назовем их условно «архангельско-алтайской версией». В относящихся сюда былинах спора между героем и князем нет потому, что последний согласен на все предложения богатырей. По записи Гуляева, он даже выполняет просьбу Василия и Добрыни написать Батуру ярлыки с требованием дани. Отсутствие спора, таким образом, повторяю, происходит оттого, что князь Владимир не настаивает на выполнении отданного им приказа; он не похож здесь на самодержца, слово которого — закон. В то же время именно в архангельских былинах, в которых герой так смело разговаривает с князем, другие обращаются к Владимиру с традиционной формулой, как и пристало слугам «грозного» государя:

Не изволь меня казнить да за слово скоро,
Не сади ты меня во темны погребы,
Не ссылай ты меня во ссылки в дальние.

(Гр, III, № 115)

Таким образом, герой наиболее решительно возражает князю именно в тех текстах, где князь изображен суровым властителем, возражать которому опасно.

Итак, в былинах архангельско-алтайской версии, с одной стороны, Владимир — грозный государь, а с другой, — отказ Василия Казимировича передать дань выглядит противопоставлением героя князю как нерешительному политику, преувеличивающему силы врага.

Исторические памятники эпохи Ивана III дают материал, подтверждающий, что в представлении современников великому князю действительно были присущи обе эти черты.

При Иване III был закончен процесс создания единого централизованного национального русского государства. Великий князь принял

титул «государя всея Руси» и в некоторых документах уже именуется «царем». Расправа Ивана III с новгородскими боярами, с князем Ряполовским-Стародубским и некоторыми другими свидетельствовала об укреплении самодержавной власти.

Вместе с этим, летописцы в рассказах об окончательном освобождении русского народа от татаро-монгольского ига склонны упрекать Ивана III в отсутствии твердости духа и мужества в самый решительный момент в 1480 г. В Софийской II летописи рассказывается, как великий князь, напуганный своими боярами, пророчившими поражение, оставил войско на Оке, а сам «побежа на Москву»¹³. По дороге к городу, на посаде, его встретили горожане, которые готовились к обороне: «ношахуся в град в осаду»¹⁴. Увидев Ивана III, они «начаша князю великому обестужився глаголати и извети класти, ркуще: «егда ты, государь князь велики, над нами княжишь в кротости и в тихости, тогда нас много в безлепице продаешь, а нынеча разгневив царя сам, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татаром»»¹⁵. Далее рассказывается, как был встречен Иван III в самой Москве митрополитом и архиепископом Ростовским Вассианом. Последний «нача... зле глаголати князю великому, бегуном его называя, сице глаголаше: вся кровь на тебе падет христианская, что ты, выдав их, бежишь прочь, а боя не поставя с татары и не бывся с ними... и много сице глаголаше ему, а гражане роптаху на великого князя»¹⁶. Недовольство москвичей было так велико, что князь, «бояся гражан, мысли злые поимания»¹⁷ (иными словами, испугавшись бунта), уехал из города и спрятался в Красном сельце. Так, судя по показаниям летописей, именно простой московский люд, посад, требовал от князя решительных действий в борьбе с татарами, обвиняя его в трусости, грозил бунтом.

К. В. Базилевич считает цитированную нами по Софийской II летописи Повесть о приходе Ахмата «весьма ненадежным и недостоверным источником»¹⁸. Но в данной работе для нас важна не столько правдивая историческая оценка поведения князя, сколько отношение к нему и его политике современников. Для этого данная повесть дает очень богатый материал. Изображая дело так, что освобождение Руси от татарского ига происходило вопреки воле князя, вынужденного действовать под давлением народных масс, составитель повести противопоставляет князю и его советникам-боярам простых горожан, посадских людей. И если этот рассказ и не соответствует действительности, остается неоспоримым самое его существование, отражающее определенные общественные настроения.

Кроме Повести о приходе Ахмата, мы имеем еще один памятник — послание Вассиана Рыло на Угру. По словам И. М. Кудрявцева, исследователя этого послания, оно было «направлено против советников Ивана III, склонявших его к переговорам с ханом, к просьбам о мире, к продолжению покорности орде, направлено и против самого Ивана III, его боязни начать генеральное сражение с татарами»¹⁹.

¹³ ПСРЛ, т. VI, стр. 230.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 231.

¹⁷ Там же.

¹⁸ К. В. Базилевич, Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV века, М., 1952, стр. 147.

¹⁹ И. М. Кудрявцев, «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в., Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 167.

Повести о приходе Ахмата, враждебной Ивану III, исследователи часто противопоставляют другую, официальную версию, находящуюся в Никоновской, Новгородской IV и Софийской I летописях. Но и здесь мы находим косвенное осуждение Ивана III, который медлил, давая уговорить себя «злым» людям, «сребролюбцам, богатым и брюхатым»: «побежи, не можешь с ними стати на бой»²⁰. Официальная версия, следовательно, не избежала осуждения трусливого поведения бояр, а вместе с ними косвенно и слушавшего их великого князя.

Многие современники осуждали попытку князя вести переговоры с Ахматом. Желая избежать боя, «чтобы государь смиловался», Иван III отправил к татарскому хану посла с челобитием и дарами, послал ему «тешь велику»²¹. Известное послание Вассиана Рыло было как раз откликом на эти переговоры и попыткой повлиять на чересчур осторожную, по его мнению, политику великого князя.

Упреки современников Ивану III находят себе соответствие в аналогичных упреках былинному князю, которые имеются в архангельско-алтайской версии. Это дает нам право предполагать, что данный мотив был включен уже в первоначальный вариант былины.

Как уже упоминалось, в печорской былине (О, № 65), во многом отличающейся от архангельско-алтайской версии, послать Василия Казимировича с данью к татарскому царю предлагают князю бояре, которых тут же дается известная характеристика: «Воры-ти бояра как подмолщики, они злы-ле толстобрюхи подговорщики». Не говорит ли наличие этой композиционно неоправданной характеристики о существовании в первоначальном виде былины недовольства Василия данью ему поручением, недовольства, которое сохранилось в былинах архангельских?

В тех случаях, когда герой отказывается на пиру везти в орду (или Литву и т. п.) «дани выходы» (архангельско-алтайская версия), он отправляется налегке, без даров, и едет к татарскому царю с заранее поставленной целью освободиться от дани, заставить царя платить дань Владимиру или убить его. В печорской версии былины герой не отказывается везти дань и привозит ее в татарское царство, но в этом случае царь Батый очень странно относится и к послам, и к дорогим подаркам. В одной печорской былине он не принимает «пошлину великую»: «Я топере-от вас, робята, не приму к себе. Сослужите-тось мне службу, как я велю» (О, № 65), — говорит он русским богатырям. Служба, как всегда, состоит из состязаний в борьбе, стрельбе из лука и игре в шахматы. Русские богатыри побеждают, и после каждой победы Василий просит царя: «Вы примите у нас пошлины великие», но царь, не принимая дани, назначает новое состязание.

В другой печорской былине (Л, № 8) мы встречаемся с подобной же картиной, но еще более выразительной. Дунай — Василий везет дани-пошлины, но Батуй не хочет их принимать «без бою, без драки, без кроволития» и «накидывает» на героя «службу царскую», которая заключается в играх, состязаниях и объезде жеребца. И после каждой победы герой требует принять у него дани-пошлины «без бою, без драки, без кроволития». Создается странная и непонятная ситуация: царя упрашивают взять дань — он не хочет. Победами в состязании богатыри как бы должны завоевать возможность отдать царю дань.

Поведение царя, его недоброжелательство к героям и стремление погубить их, оправданное логически и композиционно в архангельско-

²⁰ ПСРЛ, т. XII, стр. 202.

²¹ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 265.

алтайской версии, когда богатыри приезжают к нему с целью или убить, или заставить платить дань князю Владимиру, совершенно не оправдано в версии печорской, когда богатыри просят царя принять привезенные дорогие подарки.

Кроме этих двух взаимоисключающих версий, имеются тексты, которые условно можно назвать переходными. К ним относятся былины онежской традиции (Р, I, № 8; Г, II, № 80; С—Ч, № 9, 39, 97, 102, 108) и тексты из сборника Киреевского (Кир, II, стр. 83, 90). В онежских былинах Владимир посылает Василия Казимировича с товарищами отвезти дань. Богатыри едут с данью к королю поганому, Ботеяну. Ботеян предлагает богатырям состязания, из которых Добрыня выходит победителем. Во время борьбы богатырь расходится так, что начинает избивать татарскую силу. Ботеян, чтобы остановить его, обещает платить дань Владимиру.

С печорской традицией онежскую сближает то, что богатыри не отказываются везти дань, а с архангельско-алтайской — то, что в ней нет отказа короля от дани.

Наиболее древней мы считаем печорскую версию. В подавляющем большинстве былин о Василии Казимировиче — и печорских, и архангельских, и онежских — подчеркивается трудность и опасность задачи, поставленной Владимиром: отвезти татарскому царю дани-выходы. На призыв князя охотников не оказывается: «Большая-то тулится за середнюю» и т. д. (Г, II, № 80). В чем же трудность поручения? Архангельско-алтайская версия нам на это ничего не отвечает, так как там герои решают задачу в измененном виде: они едут взять дань с того, кому должны были эту дань отвезти. В печорских же былинах мы видим, как трудна и опасна как раз та задача, которую ставил перед богатырями Владимир. Оказывается, вручить дань царю не так-то просто. Таким образом, в печорской версии эпизоды на пиру, где говорится об опасности поручения Владимира, и в царстве Батыя, где эта опасность оказывается реальной, композиционно тесно связаны между собой.

Кроме того, сама противоречивость, «алогизм» положения (богатыри «упрашивают» царя принять у них дань) доказывает, на наш взгляд, что печорская версия более древняя: время сделало это место противоречивым и непонятным. Этому способствовали как изменения, происшедшие в самой жизни и общественном быте, так и забвение некоторых деталей в былинах. Певцы и сказители, стремясь истолковать это темное место, приходят к частичному изменению сюжета. Так возникает новая, архангельско-алтайская версия: богатыри сразу едут к царю с целью освобождения Киева от татарской дани. Конфликт между ними и царем становится ясным: царь путем состязаний желает погубить богатырей, которые не привезли ему дань. Архангельско-алтайская версия стремится устранить темное место печорской. До самого последнего времени в зависимости от индивидуальности, таланта и фантазии сказителя появляются все новые и новые детали поведения героев у татарского царя и новые мотивировки их.

Попытаемся восстановить утраченный смысл эпизода, превратившегося в «темное место», и объяснить поведение царя, отказывающегося брать дань, привезенную Василием Казимировичем. Этот отказ в былинах печорской версии сам по себе еще не свидетельствует об освобождении Руси от иноземного ига. В онежских и архангельских былинах царь в конце отказывается вообще от своих прав на дань и, обещая выплачивать дань Владимиру, теперь признает свою зависимость от князя. Если здесь отказ от дани — окончательная развязка, то в печорской версии, напротив, отказ царя от дани создает новые труд-

ности на пути героев. Батый не отказывается от дани вообще, он только в настоящем конкретном случае не хочет брать ее «без бою, без драки, без кроволития», требуя от Василия Казимировича, чтобы тот сослужил ему службу. Царь разговаривает с послами Владимира, как господин с рабами, как победитель с побежденными. Отказываясь от дани, он тем самым выражает недовольство своими подданными, какими он считает Владимира, его послов и весь русский народ. Чем же вызвано это недовольство? Сам царь ничего об этом не говорит. Владимир же, посылая к царю Василия, почти во всех былинах указывает на свою «задолженность» татарам:

Отнести-то надоть дани-выходы
За старые годы и за нынешни
И за все времена за досюлешны
Исполна государю за двенадцать лет.

(Р, I, № 8)

Следовательно, уже двенадцать лет Владимир не платил дани. Не в этом ли причина гнева татарского царя?

Обращаясь к истории, мы находим аналогичную картину в описании событий 1480 г. Выше мы уже говорили о попытке великого князя начать переговоры с ханом Ахматом и об отношении к этому шагу соотечественников Ивана III. Мы упоминали уже о том, что, отправляя послов, Иван III «послал... царю тещу велику».

Как же отнесся Ахмат к княжеским подаркам? Точно так же, как былинный царь к «даням-выходам», присланным князем Владимиром, — он не принял их. «Царь же тещу не прия, — рассказывает Вологодско-Пермская летопись, — а молвит так: «Не того деля яз семо пришил. Пришил яз Ивана деля, а за его неправду, что ко мне не идет, а мне челом не бьет, а выхода мне не дает девятый год»»²². Ситуация в былине находит себе историческую параллель. «А царево слово таково, — говорит несколько ниже «рядца» хана Ахмата Темир, отказываясь от подарков великого князя, — нолны²³ Иван будет сам у него и у царева стремени»²⁴.

Стремясь восстановить свой подорванный на Руси престиж, татарский хан требовал от Ивана III не просто уплаты дани за все годы, а полного раскаяния. Желая повернуть историю вспять и вернуть русское государство, теперь объединенное и окрепшее, на положение покорного татарского улуса, Ахмат хотел видеть политическое унижение своего врага. Иван III должен был лично приехать к татарскому хану с повинной и челобитьем. Как известно, Иван III не приехал.

Таким образом, отказ татарского царя от дани в былине является отголоском действительных исторических событий, когда хан Ахмат отказался принять дары великого князя. Как и в былине, татарский хан не хотел брать даров «без бою, без драки, без кроволития».

Итак, в былине уже с самого ее сложения должен был находиться мотив отказа везти дань татарскому царю и одновременно мотив привоза Василием Казимировичем этой дани. Как же согласовать эти противоречивые мотивы? Очевидно, отказ героя не повлиял на решение

²² ПСРЛ, т. XXVI, стр. 265.

²³ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: «Нольна — нольно — нольны — нольны: вплоть, даже, искуе; — почти; — пока не; — уже; — только уже», стр. 465.

²⁴ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 265.

Владимира, который своей княжеской властью заставил Василия Казимировича ехать с данью.

Следовательно, мы должны предположить существование спора между князем и героем: князь посылает Василия Казимировича отвезти дань татарскому царю, герой отказывается ее везти и хочет ехать туда с другой, известной нам целью; князь Владимир настаивает на своем, богатырь вынужден подчиниться, но дальнейшие события разворачиваются таким образом, что подтверждается правота Василия Казимировича.

Разумеется, мы не имеем возможности дать не только полный текст былины в первоначальном виде, но даже полностью восстановить древний сюжет. Так, ссылкой на историю мы смогли установить первичность мотива отказа татарского царя от дани, привезенной Василием Казимировичем. Как этот отказ был обусловлен сюжетом самой былины — остается для нас неизвестным. Мы попытались восстановить только основу сюжета, конфликт между Василием Казимировичем и князем; основным в их споре, по нашему мнению, было отношение к татарам: быть ли покорными данниками татарского царя или освободиться от позорной зависимости?

Трусливой и нерешительной политике князя противопоставлялись смелость и решительность героя, полного национальной гордости, основанной на сознании собственной силы и превосходства над врагом, культурного и военного.

Не желающий везти татарскому царю дань, Василий Казимирович вынужден подчиниться воле самодержца. Ему приходится выполнять княжеское поручение, опасное и унижительное. Но унижительности самого посольства противопоставлено личное мужество посла. Пусть князь покорно выплачивает дань, пресмыкаясь перед татарами, Василий не теряет собственного достоинства, даже выполняя его поручение. Не смиренно и униженно появляется он у татарского царя.

Пришел он в палату белокаменну,
На пятау он двери поразмахивал,
Ступил он своей ножкой правою
Во эту палату белокаменну,
Ступил он со вся со силы богатырския:
Все столики в палате сворохнулись,
Все околени хрустальны порассыпались,
Все татаровья друг на друга оглянулись.

(Р, № 8)

Царь недоволен данью (или послом?) и хочет погубить Василия. Способом для этого он избирает состязания, в которых русские неминуемо, по его мнению, должны потерпеть поражение. Василий Казимирович надеется на Добрыню Никитича:

Я надеюсь на мати чудную пресвятую богородицу,
Надеюсь на родимого на брателка,
На того ли братца на названного
На Добрыню ли на Никитича.

(Гул, № 10)

Побратимство Василия Казимировича с Добрыней символизирует собой связь двух эпох, продолжение героических традиций русского народа. К моменту создания нашей былины Добрыня Никитич должен был давно уже стать одним из самых любимых и известных героев

русского эпоса, сложенного, в основном, еще в домонгольский период. Героический сюжет Добрыни-змееборца возводится исследователями, как известно, к эпохе Киевской Руси. Создатели новой былины — о Василии Казимировиче — использовали этот образ отважного воина, оберегателя земли русской, в качестве символа той силы, на которую опирается политик и дипломат Василий Казимирович. Эта сила противостоит боярам — советникам князя.

Именно потому, что в центре былины был вопрос о политике, главным героем стал не воин Добрыня Никитич, славный помощник Василия Казимировича и исполнитель его воли, а сам Василий Казимирович. С подобными ему образами государственного деятеля русский фольклор встретится позднее еще неоднократно (например, Никита Романович, Михайло Скопин). Образ же Добрыни Никитича, победителя в состязаниях, в этой былине несколько напоминает сказочных «чудесных помощников». Победы Добрыни доказывают правоту Василия: враг оказывается не настолько силен, как это представлял себе князь. Самоуверенности и наглости у татарского царя больше, чем силы и умения; это и губит его. Выполняя поручение Владимира, богатыри оказались вынужденными принять бой, из которого они выходят победителями.

Тема освободительной борьбы с татарами сочеталась в былине с очень популярной в то время антикняжеской. Следует указать на сходство в этом отношении нашей былины со «Сказанием о Киевских богатырях»²⁵, которое тоже начинается со спора между Владимиром и богатырями. Владимир, ожидая врага, боится остаться один в Киеве, и поэтому не отпускает от себя богатырей, которые не соглашаются «сторожами слить» и рвутся встретиться с врагом в «чистом поле». Они хотят пойти навстречу врагу, не дожидаясь его прихода в Киев. «Мы тебе государю прямые вести отведаем», — говорят они Владимиру. Владимир не соглашается и запрещает им выезжать из Киева. Сначала богатыри подчинились государю и закручинились от «тое срамоты великия», но потом Илья Муромец предлагает все-таки отправиться навстречу врагу. Дальнейший ход событий показывает правоту Ильи Муромца и его товарищей, которые не побоялись, как Владимир, сорока двух иноземных богатырей и всемером победили их. Здесь, как и в былине о Василии Казимировиче, мы встречаемся с противопоставлением трусости и нерешительности князя мужеству и находчивости богатырей. «Сказание» имеет и другие точки соприкосновения с нашей былиной. В обоих произведениях князь Владимир изображен как грозный царь-самодержец, которому богатыри вынуждены покориться. В «Сказании» упоминается река Смугра. Это название некоторые исследователи склонны связывать с рекой Угрой. В «Сказании», как и в былине, мы слышим отзвуки событий 1480 г., связанных с этой рекой.

Требование от монарха решительной, наступательной внешней политики мы находим в несколько ином виде и у крупнейшего публициста 40-х годов XVI в. Ивана Пересветова. Он рассказывает о дворе царя Константина. Его вельможи, «ленивые богатыя, не думают о войску», они отговаривали царя от войн, под их влиянием Константин «укротел», и это привело его к поражению в борьбе с Магмет-султаном²⁶.

²⁵ Ниже сказание цитируется по тексту из собрания Е. В. Барсова (П. Симони, Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 100, № 1, 1922, стр. 2—3, 7—8).

²⁶ «Сочинения И. Пересветова», М.—Л., 1956, стр. 167—168.

Количество памятников, идейно близких нашей былине, можно увеличить за счет произведений, имеющих антибоярскую тенденцию. Ведь и в летописном рассказе о стоянии на Угре, и в сочинениях Ивана Пересветова нерешительная политика князя или царя объясняется влиянием на него бояр, думающих лишь о том, как наполнить «своя казны великим богатством»²⁷.

В середине XVI в. обвинение бояр, воевод и вельмож в политических неудачах государства, объяснение этих неудач боярской трусостью, жадностью, их взаимными сварами («и сипели друг на друга яко змеи»²⁸) становится официальной точкой зрения и встречается в таких документах, как «Казанская история» и послания Ивана Грозного Курбскому.

Былина о Василии Казимировиче возникла, видимо, в новгородской среде; недаром большинство известных текстов найдено в Архангельской губернии и на Печоре, в пределах бывших новгородских владений. Текст, записанный С. И. Гуляевым на Алтае, тоже должен быть отнесен к северной традиции, так как русский эпос был занесен туда, как указывал сам собиратель, выходцами с русского Европейского Севера.

Среди жителей Новгорода и новгородских владений память о Василии Казимире сохранялась, по-видимому, очень долго. В Архангельской губернии летописи, основанной, по словам А. А. Шахматова, на своде, «составленном в Великом Устюге и доведенном до 1516 г.»²⁹, из всех воевод, выступивших против ливонских рыцарей в 1481 г., недаром, наверное, упомянут один только Василий Казимир.

Надо полагать, былина создавалась не по горячим следам событий в конце XV в., а несколько позже, уже в XVI в., когда образ Василия Казимира стал легендарным, утратил реальные черты. К этому времени в народной памяти от образа Василия Казимира достоверно исторического осталось только то, что он неоднократно находился в конфликте с князем и был современником «стояния на Угре». Все остальное было забыто и восполнено рядом других исторических деталей, связанных уже с событиями борьбы с татарами. Для образа героя, вступившего в спор с князем и победившего в этом споре, было использовано историческое лицо, которое действительно находилось в оппозиции к великому князю, лицо, близкое новгородцам, сложившим эту былину.

Идея былины как бы носилась в воздухе в разрозненных исторических припоминаниях различных фактов и оценках различных исторических событий. Фантазия и талант народа-художника переплавили весь этот разнородный материал в стройное, самостоятельное поэтическое произведение.

Выше мы сравнивали идейное содержание былины о Василии Казимировиче с рядом литературных произведений 40-х и 60-х годов XVI в. Мы указывали на общую тенденцию этих произведений: требование смелой, решительной внешней политики Русского государства и борьба со всеми, кто такой политике противится.

Необходимо указать на значительное различие между былиной и официальными произведениями 60-х годов XVI в. В былине герой, на-

²⁷ «Сочинения И. Пересветова», стр. 166.

²⁸ «Казанская история». Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой, М., 1954, стр. 7.

²⁹ «Новый энциклопедический словарь», т. 25, статья «Летописи», столб. 164, СПб., без года.

стаивая на борьбе с татарами, выступает против князя. Внешнеполитический конфликт тесно связан с критикой самого князя и его политики. То же самое мы видим и в произведениях Пересветова (40-е годы XVI в.), в которых автор говорит о дурном влиянии вельмож на царя, и борьба с вельможами сочетается тем самым с критикой самодержца, который слушает их. В произведениях же 60-х годов обличение бояр, пытавшихся помешать решительной внешней политике, уже исходит от царя и кругов, близких ему. Обличение «изменников» бояр превращается из оппозиционной в официальную идеологию. Таким образом, наша былина, как и произведение Пересветова, отражает настроения накануне реформ Ивана Грозного. Поэтому вероятнее всего былина складывалась в первой половине XVI в.

Следует обратить внимание на одно серьезное отличие былины и «Сказания о Киевских богатырях» от сочинений Пересветова, Ивана Грозного и «Казанской истории». В былине и «Сказании» выражена идея смелой политики в деле обороны своей страны, в борьбе за национальную независимость. Пересветов, Иван Грозный и автор «Казанской истории» являлись апологетами наступательной политики.

Может быть, именно потому, что идея активной политики и нашла позднее выражение в официальной царской политике, последующие поколения не могли понять конфликта между князем и героем, требующим от князя решительности. В последующие века самодержавие уже не приходилось этому учить. Конфликт устарел, забылся и до нас дошел только в виде отдельных бессвязных реликтов, а центр тяжести в былине был перенесен на состязания Добрыни с татарами.

SUMMARY

The author of the article has attempted to trace the historical background of the bylina (old Russian epic) of Vasily Kazimirovich. The main character was most probably inspired by a 15th-century posadnik (mayor) of the town of Novgorod. Grand prince Ivan III, who was censured by his contemporaries for his hesitant stand vis-à-vis the Tatar Khan Ahmet, was the prototype of Prince Vladimir from the bylina. The fact that Dobrynya Nikitich, a traditional Russian hero, appears in this bylina which emerged at a relatively late period, testifies to its organic bonds with the bulk of Russian epic poetry dating from the period before the Mongolian invasion.